

Тысячелетняя лиса, обретшая человеческий облик, и ещё тысяча лет, чтобы стать таким пронырой, как Ши Ичжи. «Последние несколько дней на аудиенции я внимательно следил за выражением лица Государя. Кажется, он на тебя не в обиде, скорее, тут какая-то иная причина. Ладно, хватит о неприятностях. Ты редко бываешь в столице, так давай, пока есть время, найдём местечко и развлечёмся?»

От этих слов Ши Ичжи я так пошатнулся, что едва устоял на спутавшихся ногах. — Шурин, я человек женатый.

Ши Ичжи скривил губы. — Брось. Я всё про Лань знаю. Ваш брак — вынужденная формальность. Ты — мужчина, любящий мужчин, она — женщина, любящая женщин. Вы и впрямь пара, так что нечего друг на друга пенять. Всё равно в будущем оба будете ходить в рогах.

Я невесело хмыкнул. — Лань тебе всё рассказала?

Ши Ичжи покачал головой. — Нет. Но свою сестру я знаю. Мы из одного чрева. Она вздохнёт — и я уже знаю, что она ела на прошлой трапезе. Достаточно взглянуть, как она смотрит на свою служанку Хунчжу, — точь-в-точь как ты на Се Цзина.

Ши Лань, Ши Лань, не вини меня, что тебя выдали. Вини брата за его зоркий глаз.

Секрет, который я так тщательно скрывал, был вывален наружу одним махом. Я почесал нос, чувствуя неожиданное облегчение. — По правде говоря, Лань призналась мне в первую же брачную ночь. С Хунчжу у неё чувства с детства, очень глубокие.

Ши Ичжи вздохнул. — Мне жаль моего отца. И твоего отца мне тоже жаль.

Я фыркнул. — Говоришь, что жалеешь, а сам так и не нашёл жену, чтобы стариков успокоить.

Ши Ичжи рассмеялся, подошёл и ухватил меня за рукав. — Пошли, пошли.

Конец третьей луны. За Великой стеной — бескрайние жёлтые пески, в столице — повсюду тополиный пух. Я, переодевшись в простую одежду, шёл по улице, а рядом, помахивая веером, шагал Ши Ичжи.

Забавно, но в столице ходило немало слухов о моей склонности к мужчинам. Вот только объектом этих пересудов был не Се Цзин, а Ши Ичжи. Всё испортил тот детский брачный договор, что заключили наши отцы.

В те годы, когда Ши Лань ещё не родилась, матушка часто твердила мне, что её живот не справляется, второго ребёнка, видно, не будет, и остаётся надеяться, что госпожа Ши родит мне невесту. Ребёнок понимает лишь половину. Я так и решил — моя невеста живёт в доме Ши. Видя, как отец дарит матушке нефритовый кулон, я тоже задумался: а что бы подарить своей невесте?

С детства я был человеком действия. В три-четыре года, поднявшись среди ночи, стащил у матери серебряную шпильку, пролез в собачью нору, пробрался в дом Ши и наткнулся на покои Ши Ичжи.

Тогда Ши Ичжи был очень мил, в его чертах не было и намёка на нынешнюю лисью хитрость. Маленький, словно выточенный из яшмы и коралла, он был так очарователен, что сходу и не поймёшь — мальчик или девочка.

То была наша первая встреча. Он крепко спал. Я, не раздумывая, растолкал его и, бережно протянув шпильку, сказал:

— Говорят, ты моя невеста. Держи.

Ши Ичжи сонно посмотрел на меня, выражение его лица несколько раз сменилось и наконец застыло в оскале. Он смотрел на меня, как на дурачка. Без всяких эмоций Ши Ичжи спустил штаны, ткнул пальчиком в своё достоинство и тоненьким голоском изрёк:

— Видишь?

Меня сразила такая откровенность. — Ви-вижу.

Ши Ичжи улыбнулся. — Ну? Теперь ещё будешь звать меня невестой?

Я сглотнул, отступил на шаг-другой, шлёпнулся на пол и заревел во весь голос:

— Ма-а-ама! Почему у моей невесты птичка-а-а?!!

Крик мой был столь могуч, что в доме Ши мгновенно вспыхнул свет. Когда отец Ши ворвался в покои, Ши Ичжи сидел на кровати с голой попой и зевал, а я, присев на корточки, рыдал так горько и безутешно, будто оплакивал кончину родного батюшки.

Позже эта история много лет служила нашим семьям поводом для шуток после чая. Кто бы меня ни встречал — все смотрели с загадочной улыбкой. А самое обидное — рассказывали это Ши Лань, и она много лет всерьёз полагала, что я влюблён в её брата. Ха, ну что я... Разве мог я влюбиться в Ши Ичжи? У меня что, кожа чешется или голова не в порядке?

К тому же Ши Ичжи — не просто любитель мужчин. Если точно, он всеяден.

Ши Ичжи — образованный негодяй, тот самый тип, что зовётся «ханьфу на звере» и очень нравится юным девам. Во всей столице девиц, мечтающих выйти за него, можно выстроить от западных ворот до восточных. Мужчин, жаждущих с ним сблизиться, тоже немало. Обычно, стоит ему выйти на улицу, как поклонники так и валят чередой.

Но что странно: стоит мне оказаться рядом с Ши Ичжи — и будь то девушки, будь то юноши, все нас обходят стороной.

Ши Ичжи был должен мне обед в честь возвращения, и сегодня как раз подвернулся случай расплатиться. Мы только переступили порог «Обитатели Бессмертных», как управляющий, подбоченясь животом, тут же подкатил:

— О-ой, редкие гости! Что сегодня изволите? По-старому, четыре блюда?

Я кивнул, усаживаясь. Управляющий громко скомандовал:

— Четыре блюда, да две бутылки выдержанного!

Сидя напротив, Ши Ичжи протянул руку:

— Сегодня три.

Управляющий закивал, поклонился, перекричал заказ и засеменил прочь. Я почесал нос, ворча:

— Ты же знаешь, здешнее вино крепкое. Мы и две бутылки можем не осилить, а ты ещё третью заказал.

Ши Ичжи усмехнулся, упёрся сложенным веером в подбородок. — Кто сказал, что пить будем только мы вдвоём? Сегодня, знаешь ли, будет почётный гость.

Я встрепенулся.

Ши Ичжи взглянул на небо, подул на чай, разгоняя пар. — Попей пока. Гость скоро будет.

Я нахмурился. — Кто такой?

Ши Ичжи усмехнулся уголком губ. — Угадай?

Я закатил глаза. — Не буду. Ошибусь — ещё облаешь.

Ши Ичжи собрался было что-то сказать с самодовольным видом, но вдруг переменялся в лице, встал и тепло окликнул у меня за спиной:

— Цзыкэ, мы здесь!

Я обернулся. Се Цзин.

Эй, погодите-ка. Когда это они стали так близки, что обходятся без церемоний? Что я пропустил, пока сидел в темнице? Я смотрел, как Се Цзин усаживается напротив, вплотную к Ши Ичжи, и они начинают оживлённую беседу. Особенно «Цзыкэ» да «Цзыкэ» от Ши Ичжи — такие задушевные, что у меня аж зубы свело.

Чайник, что вот-вот вскипит, бочка, полная уксуса, — вот кто я. Всё внутри клокотало от обиды, а наружу пробивалась одна кислятина. Вставить слово не получалось, и я принялся молча уплетать еду. Отведав курицы с лотосом, я в ярости шлёпнул ладонью по столу:

— Управляющий! Лотос сегодня не очистили от сердцевин? Горький!

Се Цзин замолчал, взглянул сначала на курицу, потом на меня, отодвинулся и пересел. С пониманием в глазах промолвил:

— Прошу прощения, я не учёл вашу близость с генералом Ши.

У меня перехватило дыхание.

Нет, Се Цзин, Цзыкэ, третий молодой господин Се! У меня с Ши Ичжи не то, что ты думаешь! Я ревную к тебе, к тебе!

Авторское примечание:

Генерал: Любимый думает, что у меня что-то с братом жены. Что делать? Срочно, жду совета.

Ши Ичжи и Се Цзин оживлённо беседовали, а я чувствовал себя лишним. А когда я зол, то невольно источаю убийственную ауру.

С каменным лицом я ел, словно переживая великую скорбь, стуча палочками по посуде. Ши Ичжи же, будто желая добить меня, протянул руку и поправил прядь волос, спадавшую Се Цзину на висок.

Я швырнул палочки, закрыл глаза, стиснул зубы и снова ударил по столу:

— Управляющий! Ещё одну бутылку!

Управляющий подбежал, кланяясь, и дрожащим голосом пролепетал:

— Генерал, успокойтесь, успокойтесь! Сегодня кушанья не по вашему вкусу, я... я угощаю, денег не возьму!

Гнев мой поутих, и я понял, что не стоит срывать на невинного человека. Я похлопал управляющего по плечу:

— Управляющий, я был слишком резок. Деньги я заплачу сполна. Послушай, принеси ещё бутылку.

Управляющий бухнулся на колени:

— Не надо, не надо денег! Не то что одну — десять бутылок в подарок!

Я не успел и слова вымолвить, как Се Цзин, слегка поддерживая управляющего, мягко сказал:

— Управляющий, мы не из тех, кто ест даром. Деньги обязательно заплатим.

Я рядом закивал, как марионетка, думая: напугал человека — моя вина, так что заплатить надо не только сполна, но и с лихвой. Я уже доставал кошелёк, но Ши Ичжи стукнул меня веером по руке:

— Постой. Раз управляющий так любезен, как можем мы не принять его доброту? Верно, управляющий?

Управляющий вытер пот со лба:

— Верно, верно-верно.

<http://bllate.org/book/15934/1423822>